

Васинская М.В.

СОЧИНЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVIII–XIX ВЕКОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРЕСА К ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЯМ ПЕТЕРГОФА

Васинская, Мария Владиславовна — хранитель музейных предметов фонда «Редкая книга Ораниенбаума», Государственный музей-заповедник «Петергоф», Санкт-Петербург, Российская Федерация, Vasinskaya-M@yandex.ru.

В рамках исследования был рассмотрен круг иностранной мемуарной литературы XVIII–XIX столетий, в которых упоминаются и описываются достопримечательности Петергофа. В него вошли сочинения таких авторов, как И. Бернулли, А.Б. Гранвилл, А. Дюма (старший), Л. Кэрролл, А. де Кюстин, Ф. де Миранда и др. Их пребывание в России длилось от нескольких недель до нескольких лет и было обусловлено разными причинами, в том числе профессиональными интересами и обязанностями. В ходе работы было выявлено, что в каждом отдельном случае voyagers по-разному воспринимают наблюдаемые явления, обращают внимание на волнующие их вопросы и темы и раскрывают их с разной степенью полноты, при этом существуют общие области интересов. Проведенный сравнительный анализ позволил выделить несколько смысловых групп, в контексте которых путешественник рассказывает о Петергофе: непосредственное описание архитектурных сооружений и парков; характеристика внутреннего художественного убранства; петергофские праздники; специфика посещения дворцов; транспортная доступность места. Сделан вывод о значимости путевых записок в вопросе формирования интереса европейцев к Петергофу как привлекательному туристическому объекту.

Ключевые слова: культурный туризм, путешествие, мемуары, Петергоф, достопримечательность, парк, дворец, фонтан.

WRITINGS OF FOREIGN TRAVELERS OF THE 18th–19th CENTURIES AS A FACTOR IN THE FORMATION OF INTEREST TO THE SIGHTS OF PETERHOF

Vasinskaya, Maria Vladislavovna — Curator of Oranienbaum's Rare Book Department, Peterhof State Museum-Reserve, St. Petersburg, Russia, Vasinskaya-M@yandex.ru.

The study examined the range of foreign memoir literature of the 18th–19th centuries, which mentioned and described the sights of Peterhof. It included works by such authors as J. Bernoulli, A.B. Granville, A. Dumas (the Elder), L. Carroll, A. de Custine, F. de Miranda and others. Their stay in Russia lasted from several weeks to several years and was due to various reasons, including professional interests and responsibilities. In the course of the work, it was revealed that in each individual case, voyagers perceive the observed phenomena differently, pay attention to issues and topics that concern them and reveal them with varying degrees of completeness, while there are common areas of interest. The conducted comparative analysis made it possible to identify several semantic groups in the context of which the traveler talks about Peterhof: direct description of architectural structures and parks; characteristics of the interior art decoration; Peterhof holidays; specifics of visiting palaces; transport accessibility of

the place. The conclusion is made about the importance of travel notes in the issue of forming the interest of Europeans in Peterhof as an attractive tourist site.

Key words: cultural tourism, travel, memoirs, Peterhof, landmark, park, palace, fountain.

Я сочла большим счастьем для себя
возможность лицезреть столь прекрасный Город,
каковым действительно является Петергоф
Э. Джастис

Петергоф с первых лет своего существования привлекал внимание иностранцев, совершавших вояж по России. Некоторые путешественники оставляли описания увиденного в дневниках и воспоминаниях, часть которых впоследствии была опубликована и стала ценным источником сведений о культуре повседневности, а также позволила взглянуть на памятники архитектуры и искусства в историческом контексте. Через эти литературные сочинения транслировались образы императорской резиденции, способствуя повышению узнаваемости приморского ансамбля.

Мемуары XVIII–XIX столетий использовались исследователями Петергофа фрагментарно при написании монографий, исторических очерков и справок о памятниках архитектуры и искусства¹, путеводителей², для реконструкции событий предшествующих эпох³. Однако комплексного изучения сведений в путевых заметках о пребывании иностранных гостей в дворцово-парковом пространстве не проводилось. Целью работы является раскрытие информационного потенциала этого корпуса литературы для изучения формирования интереса к Петергофу как к будущему туристическому объекту мирового значения. В рамках исследования была проведена репрезентативная выборка источников, в которых имеется упоминание о пригороде в необходимом ракурсе. Под путешественниками в работе понимаются мемуаристы, покинувшие свою родину, независимо от причин их побывавших, и знакомившиеся с культурой России. Такое утверждение справедливо, поскольку в Большом энциклопедическом словаре дается следующее определение слова «путешествие»: «передвижение по какой-либо территории или акватории, с целью их изучения, а также с общеобразовательными, познавательными, спортивными и другими целями»⁴.

К источникам первой трети XVIII в. относятся воспоминания Фридриха Вильгельма фон Берхгольца (1699–1771), камер-юнкера герцога Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского Карла Фридриха, пребывавшего в России в 1720-х гг.; ботаника Пьера Дешизо (1687–1730) и дипломата Обри де Ла Мотрэ (1674–1743), находившихся в Петербурге в 1726 г. Во времена императрицы Анны Иоанновны город на Неве среди прочих посетили: английский политик Фрэнсис Дэшвуд (1708–1781) — один из немногих, кто прибыл в Россию «как турист, движимый любознательностью»⁵; Элизабет Джастис (?–1752), работавшая в Петербурге на протяжении трех лет гувернанткой дочерей английского купца Х. Эванса; шведский ученый Карл Рейнхольд Берк (1706–1777); английский медик Джон Кук (1712–1804); итальянский писатель Франческо Альгаротти (1712–1764).

¹ Ардикуца В.Е., Архипов Н.И., Кислицына О.С., Раскин А.Г., Юмангулов В.Я. и др.

² Буланая Н.Б., Голдовский Г.Н., Гуревич И.М., Знаменов В.В., Мясоедова Е.Г., Пашинская И.О., Рудоквас И.А. и др.

³ Зимин И.В., Кальницкая Е.Я., Пашинская И.О. и др.

⁴ Путешествия // Большой энциклопедический словарь // [Словари и энциклопедии: сайт. 2005–2025]. URL: <https://gufo.me/dict/bes/%D0%9F%D0%A3%D0%A2%D0%95%D0%A8%D0%95%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%98%D0%AF> (Дата обращения: 22.01.2025).

⁵ *Беснятых Ю.Н.* Введение // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: введение; тексты; комментарии. СПб., 1997. С. 9.

Большая группа источников относится ко времени царствования императрицы Екатерины II. Сложившаяся политическая обстановка благоприятствовала большому потоку английских путешественников⁶. Широкую известность приобрели сочинения литературоведа Уильяма Ричардсона (1743–1814), жившего в России несколько лет начиная с 1768 г. в качестве учителя детей английского посланника Ч. Кэткарта; Уильяма Кокса (1748–1828), который впервые оказался в России в 1778–1779 гг. в качестве наставника лорда Герберта Пембрука во время его гранд-тура. В этот же период были написаны воспоминания швейцарского астронома Иоганна Бернулли (1744–1807); борца за независимость испанских колоний в Южной Америке Франсиско де Миранды (1750–1816), находившегося в России с 1786 по 1787 г.

Значительное количество упоминаний Петергофа встречается в популярных сочинениях о России, написанных в эпоху императора Николая I. Их авторами стали: английский врач Август Боцци Гранвилл (1783–1872), посетивший Санкт-Петербург в 1827 г., американский политик Джордж Миффлин Даллас (1792–1864), французский писатель Астольф де Кюстин (1790–1857), приехавший в Россию в 1839 г. Этот год ознаменовался открытием памятника, посвященного Бородинской битве, в честь события была проведена реконструкция боя. Для демонстрации мощи российской армии Николай I пригласил среди прочих гостей многочисленных иностранцев, которые также оставляли записи своих путешествий. Из них известны дневники Эугена Хесса (1824–1862), который в возрасте пятнадцати лет прибыл вместе с отцом, придворным баварским живописцем Петером фон Хессом (1792–1871); Ипполита фон Кленце (1814–1888), сопровождавшего своего отца архитектора Лео фон Кленце (1784–1864); полковника Фридриха Балдуина Гагерна (1794–1848), который посетил Россию в составе свиты принца Нидерландского Александра, племянника Николая I.

Из мемуаристов второй половины XIX столетия стоит отметить Александра Дюма-старшего (1802–1870), приехавшего в Петербург в 1858 г., и Льюиса Кэролла (1832–1898), увидевшего достопримечательности города в 1867 г.

Пребывание большинства упомянутых выше авторов в России длилось от нескольких недель до нескольких лет и было обусловлено разными причинами, в том числе профессиональными интересами и обязанностями. Многие из указанных лиц были образованными людьми и принадлежали к светскому обществу: они имели связи либо с августейшими особами, либо с представителями русской аристократии, что позволяло им беспрепятственно оказываться при императорском дворе, посещать различные учреждения, достопримечательности. Часть воспоминаний не раз переиздавалась и стала своего рода энциклопедией русской истории и культуры. Например, книга «Путешествие в Польшу, Россию, Швецию и Данию» У. Кокса только при его жизни издавалась пять раз. В предисловии к изданию А.Б. Гранвилла Д.И. Раскин пишет: «Благодаря обстоятельности изложения и компетенции автора «Дневник....» привлек внимание англичан, собиравшихся посетить Россию, поэтому начиная с третьего издания (1835 г.) он выходил под названием «Путеводитель по Петербургу»⁷.

В ходе работы было выявлено, что в каждом отдельном случае вояжеры по-разному воспринимают наблюдаемые явления, обращают внимание на волнующие их вопросы

⁶ Кросс Э. Британцы в Петербурге, XVIII век. СПб., 2006. С. 413.

⁷ Гранвилл А.Б. Санкт-Петербург: дневник путешествия в столицу России и обратно; через Фландрию, Рейнские провинции, Пруссию, Россию, Польшу, Силезию, Саксонию, государства Германского союза и Францию. 2-е изд. СПб., 2022. С. 9.

и темы и раскрывают их с разной степенью полноты, при этом существуют общие области интересов. Проведенный сравнительный анализ позволил выделить несколько смысловых групп, в контексте которых путешественник рассказывает о Петергофе.

Часто встречаемую категорию мемуаров составляли описания дворцов, малых архитектурных форм и садового ландшафта. В части сочинений излагалась краткая история создания ансамбля, запечатлены определенные моменты строительства. Однако первостепенное значение для стимулирования интереса иностранцев к Петергофу имели прежде всего те воспоминания, которые подчеркивали уникальность места или сооружения и при этом в разной форме встречались у нескольких авторов. Французский писатель А. де Кюстин, автор широко известной в мире книги «Россия в 1839 году», охарактеризовал Петергоф как «прекраснейшую картину природы», виденную им в России, и сравнивал его с садами Армиды⁸.

При внешнем осмотре Большого Петергофского дворца, являющегося архитектурной доминантой ансамбля, прежде всего внимание акцентировалось на местоположении на возвышенности и на открывающуюся оттуда панораму Финского залива с морским каналом. Путешественники, увидевшие дворцовые интерьеры, оставили описания их художественной отделки, сделав акценты на отдельных произведениях и мемориальных вещах. В некоторых трудах мы находим характеристику внутреннего убранства Большого дворца, который, по мнению У. Кокса, был великолепно обставлен. Его внимание привлек Тронный зал с портретами правителей из династии Романовых, наиболее заметным среди которых являлся портрет Екатерины II в момент ее триумфального возвращения в Петергоф после совершенного ею дворцового переворота кисти датского художника В. Эрикссена⁹. Ф. де Миранда дополняет эти впечатления описанием Чесменского зала и великолепной «бальной залы»¹⁰. Особого внимания в дневнике А.Б. Гранвилла удостоился Картинный зал с его шпалерной развеской, состоящей из 368 портретов кисти итальянского живописца П. Ротари¹¹. Встречаются, однако не только лестные, но сдержанные и даже прохладные отзывы о петергофской архитектуре: немецкий зодчий Л. фон Кленце в качестве главного достоинства Большого дворца указал лишь на расположение и вид, но в общем оценил его «хуже Царскосельского»¹².

Для иностранных путешественников интерес своей архитектурой, убранством, коллекцией картин представляли дворцы «Марли» и «Монплезир», которые О. де ла Мотрэ отнес к наиболее ценным зданиям в парке¹³, а по мнению Ф. Дэшвуда, они «достойны быть помещенными в любой сад Италии»¹⁴. Именно в этих дворцах в полной мере проявился мемориальный характер Петергофа, связанный с личностью Петра Великого. Квинтэссенцией неугасавшего интереса к этим объектам можно считать характеристики,

⁸ Кюстин А. де. Россия в 1839 году: в 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 243, 256.

⁹ Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark. Interspersed with historical relations and political inquiries: In 2 vol. Vol. 1. London, 1784. P. 540.

¹⁰ Миранда Ф. де. Путешествие по Российской Империи. М., 2001. С. 257.

¹¹ Гранвилл А.Б. Санкт-Петербург. С. 490.

¹² Королева А.Ю. Лео фон Кленце и Санкт-Петербург (по материалам записок Ипполита фон Кленце «Путешествие в Россию») // Иностранные мастера в Академии художеств. М., 2007. С. 175.

¹³ Мотрэ О. де ла. Из «Путешествия...» // Беснятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях: введение; тексты; комментарии. Л., 1991. С. 231.

¹⁴ Дэшвуд Ф. Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году // Беснятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: введение; тексты; комментарии. СПб., 1997. С. 67.

данные путешественниками: дворец «Марли» — «императорская гардеробная Петра»¹⁵ (А.Б. Гранвилл), а дворец «Монплеизир» — «любимое убежище Петра I»¹⁶ (У. Кокс). О демонстрации иностранным гостям вещей, принадлежавших первому российскому императору: предметов гардероба, тростей, привезенной из Голландии посуды, упоминает и Ф. Гагерн¹⁷. Отдельно стоит отметить, что путешественники оставили свои впечатления о живописных собраниях петровских дворцов. Ф. Дэшвуд писал: «Но что меня удивило более всего — так это многочисленные прекрасные живописные полотна. Их совсем не берегут, и некоторые картины уже испорчены, да и вообще все портится»¹⁸. Нашлось в описаниях А.Б. Гранвилла и П. Дешизо место для павильона «Эрмитаж» и его главной достопримечательности — стола с подъемным механизмом. К числу других петергофских мемориальных интерьеров, показываемых гостям, относились комнаты Екатерининского корпуса дворца Монплеизир, откуда великая княгиня Екатерина Алексеевна отправилась совершать дворцовый переворот в 1762 г.¹⁹

Воспоминания, фиксирующие ансамбль в определенный период, вмещали в себя информацию о постройках и малых архитектурных формах, ныне утраченных. Например, К.Р. Берк упоминает среди прочих петергофских объектов павильон «Темпель» (он называет его «Храм Дианы») и фонтан «Дубовый», созданный при Анне Иоанновне в Верхнем саду²⁰.

Большинство путешественников были поражены красотой фонтанов Нижнего парка, во многих сочинениях можно обнаружить общую положительную характеристику петергофских водометов начиная уже с петровского времени. «Необыкновенно хороши особенно фонтаны, изобилующие водой»²¹, — написал в своем дневнике Ф.В. Берхгольц; «они настолько прекрасны, что описать их свыше моих сил», — эмоционально подметила Э. Джастис²².

Что же касается предметной конкретики, то в поле зрения гостей попадали разные фонтаны, но первым, как правило, они видели Большой каскад, о котором Ф. де Миранда написал: «Оттуда [с верхней террасы] спустились к удивительным фонтанам с многочисленными статуями и таким изобилием воды, какого я никогда не видел. Из пасти змей, обвившихся вокруг рук двух гладиаторов, бьют сильные струи, пересекающиеся далеко в воздухе; Самсон раздирает пасть льву, и мощный фонтан бьет оттуда на девять с половиной сажень...»²³. Интересно, что те же гладиаторы в воображении У. Кокса преобразились: «...они представлены не со старинным оружием, мечом и щитом, но с более современными орудиями войны, парой пистолетов, которыми указывают друг на друга в устрашающих позах, а из стволов стремительно хлещет вода»²⁴. Это один из примеров

¹⁵ Гранвилл А.Б. Санкт-Петербург. С. 493.

¹⁶ Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark. Interspersed with historical relations and political inquiries: In 2 vol. Vol. 1. P. 541.

¹⁷ Гагерн Ф. Дневник путешествия по России в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 666.

¹⁸ Дэшвуд Ф. Дневник. С. 67.

¹⁹ Гагерн Ф. Дневник. С. 680.

²⁰ Берк К.Р. Путевые заметки о России // Беспятовых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: введение; тексты; комментарии. СПб., 1997. С. 237, 240.

²¹ Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726. М., 2018. С. 608.

²² Джастис Э. Три года в Петербурге // Беспятовых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: введение; тексты; комментарии. СПб., 1997. С. 88.

²³ Миранда Ф. де. Путешествие по Российской Империи. С. 257.

²⁴ Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark. Interspersed with historical relations and political inquiries: In 2 vol. Vol. 1. P. 540.

неточностей, которые встречаются также в деталях, касающихся количественных характеристик (размеров, расстояний, числа предметов), географических ориентиров, материалов изготовления, которые в целом не искажают достоверности сведений и художественного облика. Например, Ф.В. Берхгольц о фонтане «Пирамида» писал: «Он имеет столько маленьких трубок, сколько дней в году, и когда вода бьет из него, принимает совершенно вид водяной пирамиды»²⁵. Приведенное сравнение носит больше образный характер, но не отменяет того факта, что реальное количество трубок — 505.

Гроты Большого каскада также нашли отклик у отдельных вояжеров: «Наиболее же любопытными я сочла гроты в саду, высокие и различной формы, [украшенные] устричными раковинами. Я должна признать их необычными и прекрасными»²⁶, — писала Э. Джастис.

В текстах воспоминаний неоднократно фигурируют фонтаны Верхнего сада и Нижнего парка, среди них: «Нептун», «Пирамида», «Дубок», «Фаворитный». Описание последнего находим у Дж. Кука: «Из воды, к моему великому и приятному удивлению, появились собака и три утки, сделанные из меди или железа и на вид совсем как живые. Утки, крикая, бьют по воде крыльями, а собака с лаем их преследует»²⁷. У Ф. де Миранды оно совмещено также с подробностями о фонтане «Егерская штука», устроенном в Западной колоннаде во времена императрицы Елизаветы Петровны и ныне утраченном: «Неподалеку находятся две небольшие закрытые лоджии, справа — “Охота”, нечто вроде карусели с птицами, которые поют и машут крылышками, благодаря гидравлической машине, позади — маленький пруд, где еще одна машина заставляет плавать и крикать деревянных уток, слева — орган»²⁸.

С течением времени в Петергофе стали появляться новые парки, которые также становились объектами посещений. Были найдены упоминания об Александрии, Английском, Колонистском парках, Сергиевке. Английский парк посетил Ф. де Миранда, где он побывал в «хижине, снаружи похожей на обыкновенную, а внутри очень уютной и нарядной», т.е. в Березовом домике, не сохранившемся до наших дней, и отметил, что экстерьеры Английского дворца «свидетельствуют о хорошем вкусе»²⁹. Дворцово-парковый ансамбль «Александрия» был частной императорской территорией, куда при Николае I мог попасть только узкий круг лиц, приближенных ко двору, поэтому его достопримечательности лишь кратко упоминаются, например, в дневнике Ф. Гагерна. Благодаря покровительству графа М.С. Воронцова, разрешение на посещение этой резиденции, еще находившейся в процессе создания, получил и А.Б. Гранвилл, который достаточно полно описал дворец «Коттедж», «необычайно красивый и живописный, в стиле которого преобладает готика»³⁰.

Другие привлекательные для посещения места в Петергофе описаны у А. Дюма: Царицын остров с павильоном, «напоминающим сицилийскую виллу» и внутренним убранством «в греческом стиле», выполненным с большим вкусом³¹; павильон Бельведер

²⁵ Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726. М., 2018. С. 792.

²⁶ Джастис Э. Три года в Петербурге. С. 88.

²⁷ Кук Д. Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части Персидского царства // Беснятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: введение; тексты; комментарии. СПб., 1997. С. 421.

²⁸ Миранда Ф. де. Путешествие. С. 257.

²⁹ Там же. С. 259.

³⁰ Гранвилл А.Б. Санкт-Петербург. С. 487.

³¹ Дюма А. Путевые впечатления в России. В 3 т. Т. 2. М., 1993. С. 205–206.

с видом на «огромные просторы, почти подобные океану»³². Несмотря на скромное описание, авторитет писателя и его всемирная известность гарантировали успех его путевых очерков о России, из которых читатели могли узнать и об этих достопримечательностях.

Исключительный характер носит описание уникального памятника на территории дворцово-паркового ансамбля «Сергиевка», помещенное в своем дневнике Л. Кэрролом: «Здесь мы любовались <...> огромным камнем, обтесанным в форме гигантской головы с лицом и глазами, загадочными, как у кроткого сфинкса, так что казалось, будто какой-то титан пытается освободиться из-под бремени легшей на его плечи земли»³³. Автор не указал месторасположения этой достопримечательности, тем самым, не дав читателю никакой наводки о том, где можно его искать.

Несмотря на широкий территориальный охват, богатейшее стилевое разнообразие парков и архитектурных сооружений непарадный Петергоф не приобрел большой популярности у иностранцев во многом по причине того, что его облик сложился лишь к середине XIX столетия, следовательно, в количественном отношении он не мог так часто описываться как Нижний парк и Верхний сад. Во-вторых, Александрия оставалась закрытой территорией для посещения большинства гостей вплоть до революции, а Колонистский и Луговой парки, хотя и были доступны для публики, но не задумывались для массового посещения. Как следствие, эти уголки Петергофа оказались гораздо менее «растиражированными» в литературе и менее известными впоследствии.

Положительную роль в репутации петровского Петергофа как достопамятного места, несомненно, сыграло частое звучавшее на страницах дневников более выигрышное в эстетическом плане сравнение с Версалем. Например, любуясь видом с верхней террасы на Нижний парк и Финский залив в XIX столетии, А.Б. Гранвилл написал: «Петергоф, безусловно, отбирает пальму первенства у своего прототипа»³⁴. Критерием превосходства над Версалем в екатерининское время У. Кокс называл также постоянство работы фонтанов, однако во второй половине XIX в. это не всегда было так, неслучайно А. Дюма заметил: «Фонтаны в Петергофе включаются, как и в Версале, в дни больших праздников»³⁵. Тем не менее, для гостей парка существовала неофициальная возможность увидеть их в действии за небольшую плату, например, за 50 копеек для французского писателя и его сопровождавших на 10 минут был включен Большой каскад, а за 10 копеек был включен фонтан-шутиха «Дубок»³⁶. Приятным дополнением к прогулке по парку могла стать и другая забава, которая сохранялась с петровского времени, она заключалась в том, что «садовник “созывает к столу” колокольчиком» рыб в пруду у дворца Марли³⁷, о чем писал тот же А. Дюма и Ф. де Миранда. Еще одной формой досуга привилегированного общества была царская купальня, размещавшаяся в бассейне фонтана «Солнце», которую неоднократно описывал Ф. Гагерн: «Тотчас по приезде в Петергоф мы вместе выкупались в большом бассейне, где нашли много придворных. Купание очень освежило нас в эту душливую жару»³⁸. В числе посещаемых объектов Петергофа также были бумажная и гранильная фабрики, упоминание о таком визите мы находим

³² Там же. С. 207.

³³ Кэрролл Л. Дневник путешествия в Россию в 1867 году. М., 2004. С. 53.

³⁴ Гранвилл А.Б. Санкт-Петербург. С. 489.

³⁵ Там же. С. 204.

³⁶ Там же. С. 205.

³⁷ Миранда Ф. де. Путешествие. С. 258.

³⁸ Гагерн Ф. Дневник. С. 675.

у Ф. Гагерна, который отметил: «Самое замечательное там — малахитовые вазы; мне кажется, что они приготавливаются в одной только России»³⁹. Через несколько дней он вернулся для покупки некоторых предметов⁴⁰.

Практически с момента официального открытия императорской резиденции само-достаточным поводом посетить парк стали знаменитые праздники, которые сопровождались масштабными иллюминациями. Эти торжества прославились далеко за пределами России, сформировав основу для развития событийного туризма в Петергофе в будущем. Воспоминания о них оставило большинство иностранных очевидцев-мемуаристов.

Ф.В. Берхгольц 14 августа⁴¹ 1726 г. в своем дневнике зафиксировал следующее: «... каждый восхищался изобретением нового прекрасного способа иллюминировать сады, находя такое освещение истинно царским. И в самом деле, едва ли где удастся увидеть иллюминацию, которая бы соединяла в себе столько великолепия и изящного вкуса»⁴². Высокую оценку празднику, устроенному по случаю тезоименитства великой княжны Ольги Николаевны 11 июля 1839 г., дает Э. Хесс: «Знаменитая иллюминация и в самом деле — нечто грандиозное и превзошла любые ожидания. Весь большой сад превратился в море огня. <...> Это было действительно великолепно!»⁴³, — и американский посол Дж. Даллас: «Картина была совершенно волшебная и напоминала чудеса аладиновой лампы»⁴⁴.

Об этом культурном феномене писали не только те, кто видел его воочию, но и даже те, кто не являлся непосредственным участником событий, излагая лишь изустные свидетельства, например, А.Б. Гранвилл. Он констатирует, что петергофский праздник получил «известность среди необычных общественных праздников континентальной Европы»⁴⁵. Традиционно торжество сопровождалось балом, иногда костюмированным. И. Бернулли после своего визита в 1777 г. оставил отзыв, в котором рассказал о бесплатно подаваемых в парке закусках и напитках: «Угощение блюдами и винами было прекрасно, и угощение вежливое. ... всего в избытке, ни в чем не было бережливости, все соответствовало известному блеску этого двора»⁴⁶.

Сопутствующей мотивацией для посещения Петергофа, помимо его архитектурно-ландшафтных красот и фонтанов, было желание увидеть членов императорской фамилии и придворных, что мы встречаем в сочинении Э. Джастис, которая сама не являлась представителем высшего света и потому имела живой интерес в этом вопросе. Большое количество высокопоставленных гостей неизменно наблюдалось на императорских мероприятиях, где сочетание всевозможных нарядов оказывало также эффектное воздействие на зрителя. По этому поводу А. де Кюстин заметил: «Как декорация, как живописное смешение людей разного звания, как смотр великолепных и необыкновенных костюмов праздник в Петергофе выше всяких похвал»⁴⁷.

³⁹ Там же. С. 680.

⁴⁰ Там же. С. 686.

⁴¹ Даты указаны по старому стилю.

⁴² Берхгольц Ф.В. Дневник. С. 789.

⁴³ Хесс Э. Русский дневник: путешествие из Мюнхена в Петербург, затем через поля сражений французской войны в Москву, а потом домой... в 1839 г. СПб., 2007. С. 29.

⁴⁴ Даллас Дж. Американский посланник при дворе Николая I // Вестник иностранной литературы. 1896. № 7. С. 16.

⁴⁵ Гранвилл А.Б. Санкт-Петербург. С. 490.

⁴⁶ Записки астронома Иван Бернулли о поездке его в Россию в 1777 году // Русский архив: Историко-литературный сборник: в 155 т. Репринтное издание 1863–1917 гг. СПб., 2010. Т. 107: 1902. С. 17.

⁴⁷ Кюстин А. де. Россия в 1839 году: в 2 т. Т. 1. С. 243.

В сочинениях вояжеров, помимо содержательной разноаспектной программы осмотра, интерес представляют сведения и об организации визита, включающие в себя способы передвижения и время, затрачиваемое на дорогу. До середины XIX в. существовало два способа добраться в Петергоф из Петербурга. Первым была Петергофская дорога, или как ее называли «Петергофская перспектива», проложенная ещё в петровские времена. Ф. Альгаротти в 1739 г. охарактеризовал этот путь так: «Дорога, ведущая сюда, я думаю, самая великолепная в России, украшена хотя и деревянными домами, но создающими некую перспективу, а расположение их [на возвышенности] подобно Петергофу»⁴⁸. Высокое качество этой дороги, по которой он передвигался в карете, запряженной шестеркой лошадей, отметил Ф. де Миранда. Его путь, как и у некоторых других гостей, сначала пролегал мимо Петергофа до Ораниенбаума, это расстояние в 40 верст было преодолено за три часа⁴⁹. Долгое время в XVIII столетии использовалась также старая живописная Нижняя дорога, пролегающая у подножия естественной возвышенности неподалеку от Финского залива.

Ввиду своего расположения приморский ансамбль имел водное сообщение с Петербургом, Кронштадтом и Ораниенбаумом. Этим путем в Петергоф прибывает Ф.В. Берхгольц, которому еще посчастливилось пройти на лодке по морскому каналу до Большого каскада. В 1837 г. ежегодным стало пароходное сообщение по Финскому заливу⁵⁰, которое позволяло быстро и с удобством добраться до пригорода. Перевозки организовывались частными пароходными обществами, и воспользоваться таким видом транспорта мог любой желающий. Именно таким образом «на большом судне с водяными колесами» из Санкт-Петербурга прибыл писатель А. Дюма, указав на то, что вся дорога заняла около двух часов⁵¹. Непосредственно на месте до Лугового парка и обратно в течение дня он путешествовал на дрожках (двухместном открытом экипаже).

Стоит отметить немаловажную роль сопровождавшего лица, благодаря которому у путешественника формировался определенный взгляд на достопримечательности, который потом и транслировался в воспоминаниях. После завершения строительства части сооружений Петр I сам показывал парк гостям, для него демонстрация только что созданной русской императорской резиденции была важным политическим явлением. Об этом в дневнике Ф.В. Берхгольца написано: «Когда все вышли на берег, император начал водить Его Высочество и все прочих знатных гостей всюду, как по саду, так и по домам»⁵². Потом, как следует из тех же воспоминаний, сложившуюся практику продолжила императрица Екатерина I. Понимая потенциальную значимость путевых записок и дневников для формирования за рубежом имиджа страны, правильного отношения к ее культурному достоянию, император Николай I предоставил А.Б. Гранвиллу в качестве гида придворного архитектора А. Менеласа, который руководил строительными работами в парке Александрия, о нем английский врач написал: «Вне всякого сомнения, мы не могли бы получить чичероне, который был бы лучше и старался бы угодить нам больше»⁵³.

⁴⁸ Альгаротти Ф. «Окно в Европу»: дневник путешествия из Лондона в Петербург в 1739 году. М., 2016. С. 88.

⁴⁹ Миранда Ф. де. Путешествие. С. 250.

⁵⁰ Гуцин В.А. История Петергофа и его жителей. Кн. 1. СПб., 2001. С. 154–156.

⁵¹ Дюма А. Путевые впечатления в России. В 3 т. Т. 2. С. 197.

⁵² Берхгольц Ф.В. Дневник. С. 608.

⁵³ Гранвилл А.Б. Санкт-Петербург. С. 474–475.

Кроме того, приезжавшие иностранцы, обладавшие определенной известностью и влиянием, часто могли рассчитывать на вполне благосклонное отношение русского двора и содействие в посещении достопримечательностей. Попасть в царские покои беспрепятственно вне официального приема в индивидуальном порядке было возможно преимущественно при наличии связей. Например, о своем визите в Большой Петергофский дворец Ф. де Миранда написал: «Во дворце по случаю моего приезда слуги уже два дня ходили в парадных ливреях»⁵⁴. Кроме того, необходимым условием посещения зданий было отсутствие в них августейших особ. О последнем красноречиво свидетельствует ответ, данный Ф.В. Берхгольцу супругой одного из служителей на его просьбу осмотреть дворцы: «Перед обедом едва ли это удастся по причине присутствия Его Величества царя, который неожиданно бывает то тут, то там и при котором они не могут осмелиться водить чужих»⁵⁵.

Таким образом, во многом благодаря мемуарной литературе иностранных путешественников, отличающихся родом деятельности и страной происхождения, к началу XX в. за границей окончательно сформировался устойчивый образ Петергофа как места с великолепными видами, оригинальными фонтанами и мемориальными дворцами, связанными с личностями Петра I, Екатерины II и других августейших особ. Дополнительным стимулом посещения Петергофа как императорской резиденции оставался тот факт, что он являлся статусным местом, в котором часто наблюдалось сосредоточие высших слоев общества, а также проводились уникальные праздники с иллюминациями.

Красочность и содержательность описания памятников культуры и искусства в заметках иностранных авторов сделала их своеобразными путеводителями для европейских читателей. Петергоф стал объектом показа заграничным гостям с момента своего основания и вошел в список первостепенных достопримечательностей, которые стремились посетить иностранцы, пребывающие в столице Российской империи.

Список литературы

Беспярых Ю.Н. Введение // Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях; введение; тексты; комментарии. СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 3–50.

Гущин В.А. История Петергофа и его жителей. Кн. 1 / НИИХ СПбГУ. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2001. 499 с.

Королева А.Ю. Лео фон Кленце и Санкт-Петербург (по материалам записок Ипполита фон Кленце «Путешествие в Россию») // Иностранные мастера в Академии художеств. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 170–181.

Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век / пер. с англ. Н.Г. Беспярых, Ю.Н. Беспярых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 528 с.

References

Bespjatyh Ju.N. Vvedenie [Introduction], in *Peterburg Anny Ioannovny v inostrannyh opisaniyah; vvedenie; teksty; kommentarii*. St. Petersburg: BLIC, 1997. P. 3–50. (in Rus.).

Cross A. *Britancy v Peterburge: XVIII vek* [The British in St. Petersburg: 18th century] / per. s angl. N.G. Bespjatyh, Ju.N. Bespjatyh. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2006. 528 p. (in Rus.).

⁵⁴ Миранда Ф. де. Путешествия. С. 257.

⁵⁵ Берхгольц Ф.В. Дневник. С. 137.

Gushhin V.A. *Istorija Petergofa i ego zhitelej. Kn. I* [The history of Peterhof and its inhabitants. Book 1]. St. Petersburg: NIIH SPbGU, 2001. 499 p. (in Rus.).

Koroleva A.Ju. Leo fon Klence i Sankt-Peterburg (po materialam zapisok Ippolita fon Klence «Puteshestvie v Rossiju») [Leo von Klenze and St. Petersburg (based on the notes of Hippolytus von Klenze «Journey to Russia»)], in *Inostrannye mastera v Akademii hudozhestv*. Moscow: Pamjatniki istoricheskoi mysli, 2007. P. 170–181. (in Rus.).